Глава 409: Все еще этот Цюшань (Часть II)

На юге клан Цюшань, естественно, был экстраординарно изумительным существованием, но этот глава клана Цюшань не был таким уж и известным или выдающимся. С точки зрения культивации и знаний он был очень посредственным. На континенте даже была поговорка: весь талант клана Цюшань полностью пал на Цюшань Цзюня, и в таком количестве, что даже его отец был обычным.

Подобные комментарии также ходили вокруг столицы Великой Чжоу. Хотя Божественный Генерал Востока Сюй Шицзи получал глубокое доверие Божественной Императрицы и обладал исключительно высоким статусом в Армии Великой Чжоу, все знали, что это было связано с тем, что он породил хорошую дочь. В сравнении с его дочерью Сюй Южун, будь это обсуждение таланта, военной стратегии или интеллекта, Сюй Шицзи был в беспросветной тени своей дочери.

Даже было много людей, которые недоумевали, как Сюй Шицзи и глава клана Цюшань могли родить Сюй Южун и Цюшань Цзюня. Но это было фактом, как и тот факт, что слова главы клана Цюшань были еще более убедительными, чем у Сяо Сунгуна… потому что он был отцом Цюшань Цзюня.

В Горе Ли Цюшань Цзюнь был наиболее уникальным человеком, его даже можно было назвать аномалией. В сердцах этого молодого поколения учеников он был единственным человеком, которого можно было обсуждать наравне с Боевым Двоюродным Дедушкой Су Ли, даже если его культивация все еще сильно уступала Су Ли. Даже у Главы Секты в определенной степени не было столько престижа, сколько было у Цюшань Цзюня.

От Главы Секты и до наиболее обычного ученика не было никого, кто не любил бы Цюшань Цзюня. От наиболее серьезного старейшины Зала Дисциплины до бесчувственного и яростного Гуань Фэйбая и до тех оборотней-слуг, которые в наказание подметали листья у задней горы около сорока лет, когда кто-то видел Цюшань Цзюня, они всегда давали свои наиболее искренние улыбки и показывали ему величайшую доброту.

Каждый показ доброты и любви был взаимным. Цюшань Цзюнь жил в Горе Ли около десяти лет и дарил любовь и доброту каждому человеку, который жил в ней. И вещь, названная престижем, была подобна десяти тысячам ручьев, формирующих реку, созданную его преданностью Горе Ли за те десять лет, что он прожил тут. Проще говоря, он истекал кровью за Гору Ли, причем не раз.

Так что, когда глава клана Цюшань говорил, вся Гора Ли тихо и искренне слушала его слова.

Только никто в это время не осознавал, что в том жилище на кровати был молодой человек, пробывший в коме несколько недель, и его палец, свисающий с края кровати, немного шевельнулся.

«Изначально это было внутреннее дело Секты Меча Горы Ли. Логически говоря, мой клан Цюшань не имеет права говорить об этом».

Глава клана Цюшань посмотрел на Главу Секты, посмотрел на несколько десятков учеников Горы Ли, стоящих перед жилищем, и спокойно сказал: «Но сейчас ситуация дошла до такого. Сэр Су Ли и Ци Цзянь подозреваются в сговоре с демонами и поднятии кровавых дождей и скверных ветров в Саду Чжоу. И это был мой сын Цюшань, кто с целью открытия Сада Чжоу и из-за этого проникновения демонов полностью израсходовал свою эссенциальную кровь. В настоящее время он все еще в коме, и его окончательная судьба остается неясной! Я думаю,

что как его отец, я имею право стоять за него и просить всех людей Горы Ли сделать тоже самое».

Эти слова были сказаны Главе Секты и нескольким десяткам учеников позади него, а также ученикам на других пиках Горы Ли.

Бесчисленные взгляды, наполненные заботой и пониманием, были направлены на крепко закрытые двери жилища. Все ученики Горы Ли думали, что если сказанное старейшиной Сяо Сунгуном было правдой, и все это - план демонов... Старший Брат Лян Сяосяо уже был мертв, может ли быть, что Старший Брат тоже заплатит своей жизнью? Может ли быть, что Боевой Двоюродный Дядя действительно считал Гору Ли своей личной собственностью и решил передать должность Главы Секты Ци Цзянь, а не Старшему Брату? Как это могло быть допустимо! Если все это правда, то злоба клана Цюшань вполне логична.

Все вершины Горы Ли резко затихли. Бай Кай изменился в лице. Он понимал, что это указывало на исключительно плохой признак, что сердца людей постепенно менялись. Однако, даже он не мог ответить на эти слова, потому что во всем этом деле Старший Брат был самым невинным. Даже сейчас он все еще был в коме, и никто не знал, когда он проснется.

Несколько десятков учеников перед жилищем все взглянули на Главу Секты с довольно сложными лицами.

Сяо Сунгун посмотрел на Главу Секты и бесстрастно сказал: «Передай Массив Мириад Мечей».

Старейшина Зала Дисциплины сказал голосом, тяжелым, как железо: «Могу я потревожить Старшего Брата Главу Секты вывести демоницу Ци Цзянь».

Старейшина Секты Долголетия Цзян был умиротворенным и молчаливым.

Глава клана Цюшань спокойно сказал: «Мне надо, чтобы вы передали лишь одну вещь».

Раньше каждое слово Главы Секты было подобно мечу. Теперь пришло время для него выдержать дождь мечей.

Эти слова, которые давили на него шаг за шагом, нерешительность, ставшая очевидной на лицах нескольких десятках учеников позади, тишина пиков Горы Ли - все это были мечи. Завет, позаимствованный от Ляна Сяосяо, имя Цюшань, возвращение мириад мечей, передача между династиями, Секта Долголетия, вновь удерживающая юг в ладони своей руки, продвижение клана Цюшань на север, объединение севера и юга, весь мир за одно... это был действительно величественный и прекрасный живописный свиток!

Когда Глава Секты подумал об этой картине, на его лице появилась немного горькая улыбка.

У Сяо Сунгуна не было планов давать ему время подумать. Поворачиваясь к нескольким десяткам учеников, стоящих перед жилищем, он строго закричал: «Вашему Старшему Брату был нанесен вред планом демонов! Ради вызволения культиваторов из Сада Чжоу он беспощадно расходовал свою эссенциальную кровь, чтобы вновь открыть Сад Чжоу, понес серьезные ранения и пал в кому! Не говорите мне, что вы хотите, чтобы это обрадовало наших врагов и причинило боль тем, кто близок к вам? Не должны ли вы быстро сложить мечи, иначе, когда ваш Старший Брат проснется и увидит реку крови, стекающую с главного пика Горы Ли, и учеников, убивающих друг друга, насколько сильную боль он ощутит?!»

Эти его слова были пронизаны истинной эссенцией и казались подобными бесчисленным мечам. Хотя несколько десятков сияний меча перед жилищем рассеивали подавляющую их часть, все еще оставалась острота слов. Лица тех учеников Горы Ли становились все более противоречивыми. Даже были некоторые люди, чьи мечи невольно опустились на землю, и даже было еще больше людей, которые смотрели на Главу Секты в сомнениях, ожидая его окончательного решения.

Видя эту сцену, Сяо Сунгун внутренне проклинал в глубинах своего сердца, а затем сжал зубы и использовал свой последний метод. Его голос разносился ко всем вершинам Горы Ли: «Сегодня я нарушил законы секты, вторгся на главный пик и проявил неуважение к Главе Секты. Я лишь хочу, чтобы Глава Секты сложил полномочия и вывел демоницу Ци Цзянь. Я не приму пять лет должности Главы Секты, и это мое доказательство, что я не желаю власти, что я неправ, и что я искренне извиняюсь».

После этих слов пики разразились шумом. Даже те ученики Горы Ли, которые были больше всех озлоблены поведением Сяо Сунгуна, были вынуждены признать, что этих условий было достаточно, чтобы выразить его искренность.

Старейшина Секты Долголетия спросил: «Тогда должность Главы Секты... к кому она должна отойти?»

Сяо Сунгун молча раздумывал над этим несколько мгновений: «У моих старших и младших братьев, плененных в массиве мечей, есть свои мнения, но если вы спросите меня, то это все же... Цюшань».

Старейшина Секты Долголетия улыбнулся: «Он слишком молод, разве не так?»

Сяо Сунгун более ничего не говорил.

Глава клана Цюшань тоже ничего не говорил, а лишь безразлично улыбался.

Несколько десятков учеников перед жилищем с тревогой переглянулись.

Бай Кай подошел к Главе Секты, неся его меч. Он был очень удрученным, но не знал, что должен сказать.

Это предложение на вид было единственным решением, которое все в Горе Ли, от верхов до низов, были готовы принять.

По крайней мере это поможет избежать последней стадии внутреннего конфликта Горы Ли, которая, если ее достигнуть, будет невообразимой.

Почему Сяо Сунгун желал заплатить такую большую цену? Глава Секты спокойно смотрел на Сяо Сунгуна и заметил, как Сяо Сунгун и глава клана Цюшань переглянулись, и потом отчетливо все понял. Видя, как он отказывается от должности Главы Секты Меча Горы Ли, которую он так долго желал, но был вынужден отказаться от нее, к тому же он собрался уединить себя в задних горах в горькой культивации, чтобы искупить свои грехи - предположительно, клан Цюшань и Секта Долголетия должны будут заплатить ему соответствующую компенсацию впоследствии.

Но было ли это действительно решением, которое была готова принять вся Гора Ли?

Пики Горы Ли были окутаны тишиной. Все ожидали окончательного решения Главы Секты.

В этот миг из жилища раздался голос.

Этот голос был очень слабым, но он все еще был ярким.

Он был подобен небу, скрытому темными облаками в течение очень долгого времени: как только облака разойдутся, небеса будут чистыми и голубыми, как всегда.

«Я не принимаю этого».

http://tl.rulate.ru/book/1222/107322